

© 1998 г. Ю.В. МОНИЧ

**ПРОБЛЕМЫ ЭТИМОЛОГИИ И СЕМАНТИКА
РИТУАЛИЗОВАННЫХ ДЕЙСТВИЙ**

0. За относительно короткий срок своего существования этимологическая дисциплина, сложившаяся в рамках сравнительно-исторического метода, прошла практически все стадии оформления и, можно без преувеличения констатировать, что в итоге она достигла выдающихся результатов в области формы существования основного объекта своего исследования – слова. В процессе разработки и совершенствования приемов этимологического анализа содержательная сторона языковой единицы по объективным причинам играла вспомогательную роль. Однако закономерно, чем меньше оставалось претензий к формальной стороне исследовательской процедуры, тем больше становилось их по отношению к семантическим штудиям. Как говорят современные исследователи: «Семантические аспекты этимологии весьма сложны и с трудом поддаются регламентации. Никакого "закона", который можно было бы сопоставить со звуковым законом, в семантическом развитии слов установить не удастся. Здесь приходится опираться не на необходимое, а на возможное в рамках здравого смысла» [Абаев 1986: 20]. К настоящему времени актуальность этой проблемы выросла настолько, что содержательная сторона слова из верного на начальных этапах вспомогательного орудия превратилась в серьезное препятствие на пути дальнейших разработок в области формы.

В середине нашего столетия вышел в свет выдающийся труд Ю. Покорного "Indogermanisches etymologisches Wörterbuch" [Pokorny 1959], который явился обобщением главных достижений сравнительно-исторического языкознания. На сегодняшний день – это основное и богатейшее собрание индоевропейских корней и возводимой к ним лексики, без которого не обходится ни один этимолог. Естественно, движение научной мысли требует пересмотра некоторых принципов группировки слов в данном словаре. В частности, уже давно замечено, что в словаре Ю. Покорного имеет место довольно разветвленная корневая омонимия и еще более разветвленная синонимия, что иной раз производит впечатление некоторой гипертрофированности этих явлений. Как известно, современная критика словаря идет именно в этом направлении. Например, указывается, что в отдельных (быть может, и довольно многих) случаях у Ю. Покорного разведены по омонимичным рубрикам слова, которые было бы более целесообразно поместить под одной рубрикой, и наоборот. Важно подчеркнуть, что эта критика строится в анализе именно отдельных конкретных случаев, а не самого принципа группировки слов, на основе учета конкретных штудий, "портретов" слов, а также общих данных акцентологии, ларингальной теории, ностратики, морфосемантических полей и т.д.

В своей работе мы не предпринимаем попытки обобщить или суммировать эти зачастую убедительные критические данные. Наш главный вопрос – иной: каков главный массовый критерий Покорного, на основании которого в его словаре существуют столь обширные, представленные десятками и сотнями слов под одной "заглавной формой" группы? Нам кажется очевидным, что эти группировки нельзя опровергнуть критическими замечаниями об отдельных "ошибках" Покорного в

определении омонимии и/или полисемии. Вопросы омонимии и полисемии применительно к группировкам слов в словаре Покорного мы рассматриваем не в плане суммирования отдельных конкретных наблюдений, а по двум магистральным линиям – 1) "массовидность" (нашим объектом являются именно массы, группы корней) и 2) "подвижность границ между омонимией и полисемией". Подчеркнем, что вторая из этих линий, к сожалению незаслуженно забытая, впервые прочерчена в отечественной лингвистике в работе О.С. Ахмановой "Очерки по общей и русской лексикологии" [Ахманова 1957]. Предваряя дальнейшее изложение, сформулируем наш общий тезис: мы полагаем, что таким путем в основе группировок Покорного может быть обнаружен "ситуативный принцип", общность некоторой реальной ситуации ("фрейм"). Этот принцип, разумеется, является гипотезой, аргументировать которую и является целью нашего дальнейшего изложения. Сразу скажем, что, поскольку речь идет об о б о щ е н ы х ситуациях (в смысле фреймов), то, применительно к отдаленной реконструкции может возникнуть вопрос – имеются ли в виду "ситуации глоттогенеза вообще" или же это ситуации семантической деривации, хотя и ситуации, зачастую значительно отдаленные от письменных периодов. Подчеркнем, что мы затрагиваем здесь только вторые, связанные, по нашему мнению с динамикой особого типа существования, господствовавшего не только в доисторические времена, но и на протяжении многих столетий исторического периода.

В связи с тем, что семантика языковых единиц долгое время являлась вспомогательным средством на пути выявления исходной формы, значения реконструированных корней, что неоднократно отмечалось исследователями (см. например [Откупщиков 1967: 167]), носят довольно абстрактный характер. Естественно, любой этимолог осознает, что семантика индоевропейских архетипов, являющаяся для него удобным рабочим ориентиром, вряд ли могла существовать в сознании носителя праиндоевропейского языка в таком виде, в каком она представлена в словаре Ю. Покорного. В противном случае было бы необходимо считать, что человек сначала наделял именами абстрактные сущности и уже потому с их помощью описывал конкретные жизненные ситуации. Однако это совершенно противоречит как современным взглядам на развитие человеческого мышления, так и данным общей семиотики. Последние недвусмысленно указывают на то, что знак, прежде чем стать немотивированным, проходит весьма продолжительный путь по эволюционной лестнице, постепенно вычленившись из реалии, с которой он соотносится (см. [Степанов 1971: 28–32]). Этот процесс великолепно иллюстрируется ритуализацией по Лоренцу-Хаксли (см. [Степанов, Проскурин 1992: 6]).

Очевидно, что уже давно назревает насущная необходимость кардинального пересмотра абстрактной семантики, сопровождающей не только праиндоевропейские архетипы, но зачастую архетипы реконструкций праязыков отдельных диалектных групп. Не случайно поэтому, что взгляды исследователей все чаще начинают обращаться к реалиям, сопровождавшим носителя языка. За последние десятилетия в отечественной науке появились фундаментальные работы О.Н. Трубачева [Трубачев 1966], Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.В. Иванова [Гамкрелидзе, Иванов 1984], а также ряд других заслуживающих внимания публикаций, сопрягающихся с данной проблемой (см. в частности [Топоров 1981; Степанов 1995]). Среди последних крупных публикаций следует отметить работы М.М. Маковского, в которых автор убедительно показал, что ряд корней, приводимых в словаре Ю. Покорного как омонимы, в действительности являются метафорами от единого корня с первоначанием "рвать, гнуть" [Маковский 1996а; 1996б].

Среди первых, кем отчетливо была сформулирована проблемная ситуация в области семантической реконструкции, был Э. Бенвенист. В статье "Семантические проблемы реконструкции", впервые опубликованной в 1954 г., он настойчиво призывает лингвиста, занимающегося реконструкцией исходного значения какой-либо формы, учитывать совокупность контекстов, в которых эта форма употребляется [Бенвенист 1974: 331–332]. На анализе многих примеров автор блестяще демонстрирует свой метод, вскры-

вая явные изъяны переносов "абстракций" современного здравого смысла в "темные углы" древних языков, как, например, абсурдность прямолинейного вывода значения "кормить, выращивать ребенка" из значения "створазживать (молоко)", якобы первичного у др.-греч. τρέφω, что подразумевает, будто ребенка вскармливали прокисшим молоком или только получаемыми из него вторичными продуктами. Анализируя контексты, автор показывает, что семантика τρέφω заключала в себе куда более сложные представления об активном способствовании естественному росту и развитию [Там же: 336], и подобные целостные представления, объединяющие в себе смыслы более специальных терминов типа "створазживать" и "кормить", которыми привык оперировать здоровый смысл современного исследователя, были характерным явлением, составляющим ядро семантики древнего слова.

Проблема, которую можно и нужно решать посредством изучения контекстов там, где таковые существуют, т.е. на уровне древнеписьменных памятников, на более хронологически глубоких уровнях, т.е. там, где необходимо реконструировать и сам контекст, требует для своего решения какого-то иного подхода. В данной статье мы предпринимаем попытку вскрыть исходные семантические отношения посредством реконструкции особенностей отражения в сознании носителя языка тех ц е л о с т н о в о с п р и н и м а е м ы х ж и з н е н н ы х с и т у а ц и й, в которых он вступал во взаимодействие с о с о б о з н а ч и м ы м и для его существования реалиями внешнего мира. Для этой цели мы посчитали целесообразным воспользоваться приемами семантического анализа, сложившимися в рамках когнитивной парадигмы лингвистики (в частности, теории скриптов). С помощью этих приемов мы стремимся определить рамки тех ментальных репрезентаций, которые, по нашему предположению, составляли семантическое ядро естественных знаков, называемых ритуализованными действиями, и дальше пытаемся сопоставить реконструируемые репрезентации с семантикой уже собственно языковых знаков. В соответствии с естественным направлением метода построена и композиция статьи, и, таким образом, речь сначала пойдет о реалиях.

1. РИТУАЛИЗОВАННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

С точки зрения биосемиотики живой организм познает окружающий мир посредством цикла взаимодействий с различными его аспектами. Взаимодействие или с в я з ь между организмом и его внешней средой здесь можно интерпретировать как з н а ч е н и е на низшей ступени знаковости [Степанов 1971: 28].

Знаковость той или иной реалии проявляется в том, что организм выделяет ее по каким-либо отличительным признакам из множества других, несущественных для него реалий. То есть организм распознает быстрее всего те реалии, с которыми он взаимодействует наиболее часто и регулярно, и от этого прямо зависит степень выделенности определенных отличительных признаков, являющихся представителями (=знаками) той или иной реалии. Чем чаще и интенсивнее взаимодействует организм с определенной реалией, тем интенсивнее вычленяются из этой реалии опознавательные признаки. Таким образом, знаки развиваются прежде всего в тех взаимодействиях, которые наиболее регулярны и значимы для поддержания жизненного цикла.

На психическом уровне организации живой системы складывается с и с т е м а з н а н и я, которая формируется и структурируется особыми модусами взаимодействия: восприятием и обработкой поступающей информации. В процессе восприятия тот или иной фрагмент действительности структурируется по законам гештальта: на общем фоне наиболее броские и существенные детали вырисовывают фигуру. Эти же отношения закономерно отображаются и на уровне системы знания, где структурирующим фактором является з н а ч и м о с т ь, или ценность, воспринимаемой реалии. Степень значимости и будет определять место того или иного отрезка действительности в системе репрезентаций, и – соответственно – центр системы будет занимать та область взаимодействий организма с внешней средой, которая н а и б о л е е з н а ч и м а для поддержания жизненного цикла. На уровне биологической жизни эта

область находится в точке пересечения интересов двух фундаментальных – диаметрально противоположных и в то же время постоянно перерастающих друг в друга – инстинктов: агрессии и размножения¹. На отрицательной шкале степень значимости растет по мере роста угрозы существованию, на положительной – по мере гармонизации отношений между особями одного вида, причем рост второй прямо зависит от роста первой.

В указанной области взаимодействий происходит явление ритуализации: возникающая в процессе эволюции упорядоченная совокупность определенных действий становится средством общения между особями одного вида². Таким образом, биологические ритуалы приобретают сигнальную функцию и становятся первичными знаками (см. [Степанов, Проскурин 1992: 6]). У многих видов животных, объединяющихся в крупные сообщества, ритуал становится автономным побуждением – "особенным инстинктом, который мы вправе называть с о ц и а л ь н ы м" [Лоренц 1994: 188].

Как показывают тщательные исследования этологов, "все человеческие ритуалы возникли естественным путем, в значительной степени аналогичным эволюции социальных инстинктов у животных и у человека" [Лоренц 1994: 90]. О том, что языковые явления развивались изначально в русле ритуала, уже не раз говорилось и лингвистами (см. [Топоров 1988: 22; также Маковский 1997: 75]). Таким образом, можно предполагать, что в своих истоках человеческий ритуал обладал теми же смыслами, что и ритуалы животных.

В пределах сигнальной функции ритуала выделяются два аспекта: 1) ритуализованные действия, изначально направленные на угрожающий объект, выполняют функцию отвода агрессии, 2) будучи особым образом переориентированными (см. [Лоренц 1994: 173–174]), те же действия принимают на себя функцию объединения особей одного вида (см. [Степанов, Проскурин 1992: 6]). Эти две частные функции ритуала и определяют его естественный смысл в двух исходных значениях: "защита, отражение угрозы" и "объединение, связь особей одного вида в замкнутую группу". Этот смысл рождался в е с т е с т в е н н ы х с и т у а ц и я х, которые и будут рассматриваться в данной статье в качестве реалий.

Конечно, могут возникнуть возражения с позиций глоттохронологии. Единственное, что мы можем противопоставить этому, – это наше нижеследующее изложение. Приступая к данному исследованию, мы исходили из соображения, что если хотя бы что-то имело шанс пройти сквозь "фильтр" Сводеша, не изменив до неузнаваемости своей внутренней структуры, то этого следует ожидать прежде всего от центра системы.

2. СТРУКТУРА СИТУАЦИИ

Как прямо указывают функции ритуализованных действий, изначально и базовым фоном, на котором возникали первые человеческие ритуалы, являлись жизненные ситуации, в которых присутствовала не посредственная угроза существованию. Естественно, жизнь первобытного человека протекала среди множества типов подобных ситуаций, которые различались по самым различным параметрам. Хотя описание этих типов не входит в задачи данного исследования, все же мы не можем избежать некоторой типологизации, возникающей как бы спонтанно при определении границ прототипической ситуации и в последующем наблюдении происходящей на ее основе категоризации. Поэтому мы не посвящаем типологии специального раздела и сначала постараемся дать определение тому, что здесь будет пониматься под словом "ситуация".

2.1. Ситуация в лингвистике и психологии. Лингвист и психолог, ставящие перед

¹ К. Лоренц к так называемым "основным" инстинктам относит питание, размножение, бегство и агрессию (см. [Лоренц 1994: 73]).

² В некоторой мере она также затрагивает и взаимодействия между разными видами, но этот вопрос для нас малозначителен.

собой разные задачи, по-разному определяя субъект ситуации. Поскольку психолога интересуют прежде всего мотивы поведения, то его субъект всегда является и наблюдателем, по отношению к которому прочие участники ситуации только внешние объекты. Лингвиста же интересуют способы описания, и поэтому его наблюдатель – всегда отстраненное от происходящего в ситуации лицо, которое по собственному произволу выделяет в противостоящей и независимой от его участия ситуации субъект и объекты. По этой причине лингвист безразличен к мотивам поведения своего субъекта, но не безразличен к мотивам речевого поведения своего наблюдателя.

Поскольку у психолога субъект и наблюдатель – одно лицо, то из этого невольно вытекает, что в ситуации подчеркивается ее статический аспект. Ситуация у психолога – это совокупность определенных внешних обстоятельств, отраженная в сознании субъекта. Во временном отношении она предшествует его активной реакции [Психология 1990: 364], т.е. в рамках ситуации активность субъекта ограничивается только актом фиксации некоторого положения дел, по отношению к которому нужно действовать надлежащим образом и которое в период активного действия остается в его сознании как статическая картина.

Лингвист же, напротив, склонен описывать ситуацию как процесс. Например, если наблюдатель-лингвист опишет некоторую ситуацию пропозицией *Человек преследует зверя*, то человек будет являться субъектом, зверя – объектом. Но при ином видении они могут поменяться местами: *зверь преследуется человеком*. Если же на месте наблюдателя-лингвиста окажется наблюдатель-психолог, то и "человек" и "зверь" тут же превратятся в равноправных объектов, отразившихся в сознании субъекта, т.е. наблюдателя-психолога. Эти два объекта и их отражение психолог опишет как три составляющих ситуацию элемента и приступит к описанию реакции субъекта. Последняя, таким образом, отделяется от ситуации и называется поисковой или надситуативной активностью.

Поскольку нас интересует прежде всего то, как отражаются в сознании носителя языка и как естественным путем структурируются воспринимаемые реалии, для нас более выгодной представляется позиция психолога. Но поскольку нас еще в большей степени интересует отражение субъектом не объектов, а собственных взаимодействий с объектами, то мы включаем в рамки ситуации также активную реакцию субъекта. Таким образом, метод, используемый в данной статье, можно охарактеризовать как "рефлексия над собой действующим".

2.2. Статический аспект ситуации. С точки зрения наблюдателя, включенного в ситуацию, определенное стечение обстоятельств – в рассматриваемой категории ситуаций оцениваемое субъектом как угрожающее его существованию – будет являться стимулом, побуждающим его к действию, направленному на выход за пределы ситуации. Пока длится процесс выхода, некоторые значимые отношения в ситуации могут изменяться только количественно, тогда как качество их остается неизменным. В данном случае это угроза, которая может убывать или возрастать, оставаясь при этом только угрозой.

Таким образом, в ситуации необходимо выделить статический аспект, включающий действующих лиц и неизменное в качественном плане отношение между ними, т.е. своего рода фрейм, задающий рамки, внутри которых осуществляется взаимодействие между субъектом и объектом.

2.2.1. Субъект. Под субъектом ситуации следует понимать носителя языка, который является обобщенным членом группы (сообщества), где область взаимодействий каждого отдельного индивида в общих и самых существенных чертах совпадает с областью взаимодействий любого другого индивида. Это является необходимым условием для того, чтобы в процессе коммуникации один индивид мог ориентировать другого в его когнитивной области [Матурана 1996: 117]. Однако следует учитывать, что здесь рассматриваются не акты коммуникации, а только психические процессы формирования семантических структур.

2.2.2. Объект. Объектом ситуации в рассматриваемом случае будет обобщенный источник угрозы плюс некоторые отношения – пространственные или иерархические – между ним и субъектом, которые последнему надлежит преобразовать так, чтобы максимально снизить или устранить угрозу.

2.2.3. Угроза или эмоциональный фон. Общий фон эмоционального отражения объекта в субъекте трудно охарактеризовать каким-либо общим термином, так как степень эмоционального накала будет находиться в прямой зависимости от того, насколько высоко субъект оценивает степень угрозы. Мы будем в основном оперировать такими понятиями, как тревожность, страх и гнев.

Выделение данного элемента представляется необходимым для описания, так как в процессе восприятия эмоция играет роль связующего фактора³, создающего на своем фоне целостное психическое образование, имеющее структуру гештальта⁴. Поэтому статический аспект ситуации в целом можно определить как фон, на котором динамика взаимодействия между субъектом и объектом вырисовывает фигуру.

2.3. Динамический аспект ситуации. В рассматриваемом типе взаимодействия, где объект является активной сущностью, действия субъекта и объекта вырисовывают две параллельные фигуры, имеющие сходные очертания. Несмотря на внешнее сходство, действия субъекта и объекта согласно принятым нами условиям диаметрально различаются в психологическом плане. Установка объекта исходно агрессивная, и он же выступает инициатором взаимодействия, где действия субъекта являются защитной реакцией и мотивируются необходимостью избежать и/или устранить угрозу. Таким образом, действия объекта как бы отражаются в реакциях субъекта.

2.3.1. Скрипты. С момента оценки субъектом некоторого стечения обстоятельств как угрожающего существованию в его сознании на фоне возникшей тревожности активизируются особые ментальные структуры. Для их обозначения мы посчитали целесообразным использовать термин "скрипт", который в когнитивной лингвистике определяется как "набор ожиданий о том, что в воспринимаемой ситуации должно произойти дальше" [Демьянков 1994: 70] и который "позволяет понимать не только реальную или описываемую ситуацию, но и детальный план поведения, предписываемого в этой ситуации" [Там же: 72].

Таким образом, скрипт есть ментальная репрезентация ситуативной динамики. С одной стороны, он складывается в реальных ситуациях, с другой – являясь результатом предшествующего опыта, руководит действиями субъекта в ситуациях того же типа⁵.

Каждый скрипт тесно связан в сознании "со стереотипизированной серией других скриптов с общими для них участниками-деятелями... Есть центральный и зависимые скрипты, иерархизованные и связанные между собой" [Там же]. Это означает, что в описанных выше статических рамках возможны различные фигуры: главная или центральная для наиболее типичного развития событий и периферийные для отклонений от стандарта.

2.3.2. Структура скрипта. Скрипт состоит как минимум из действующих лиц и сюжета [Демьянков 1994: 71]. Первые определены нами как "носитель языка" и "источник угрозы". По ходу изложения источник угрозы будет принимать несколько более конкретные формы.

Завязке и развязке сюжета скрипта в реальной ситуации будут соответствовать момент фиксации субъектом угрожающего стечения обстоятельств и момент достижения преследуемой им цели. Последняя появляется в сознании субъекта на фоне

³ О роли эмоции в образовании так называемых "систем конденсированного опыта (СКО)" см. [Гроф 1993: 115].

⁴ О том, что событийные категории структурируются по законам гештальта см. например [Лакофф 1996: 163–165].

⁵ Можно даже сказать, что скрипт – это своего рода действующее лицо. Непонятная для субъекта природа руководящей роли этого лица закономерно начинает обожествляться в ритуале (см. ниже). Именно так, по нашему мнению, в жизнь человека начинают вмешиваться Боги.

возникшей потребности в устранении угрозы и определяет общую направленность предписываемой тем или иным скриптом деятельности. По ходу развертывания сюжета, т.е. по мере реализации субъектом предписаний скрипта, в ситуации возникают также промежуточные цели, которые в конечном счете подчинены главной. Моментом возникновения промежуточных целей в структуре скрипта соответствуют промежуточные узлы сюжета, между которыми расположены сцены скрипта.

2.3.3. Цель деятельности субъекта. Основным объектом приложения действий активированного скрипта являются некоторые создающие угрозу пространственные или же иерархические отношения, которые субъект стремится преобразовать в такие отношения, где между ним и источником угрозы была бы установлена некая преграда, играющая роль з а щ и т ы. В этом и будет заключаться главная цель, преследуемая субъектом в рассматриваемой категории ситуаций. Иными словами, субъект стремится создать и отграничить свое, безопасное пространство от чужого, враждебного.

2.4. Определение ситуации. На основании очерченных выше контуров взаимодействия ситуации можно дать такое определение.

Ситуация, описываемая с позиции субъекта, есть процесс взаимодействия субъекта и объекта, протекающий на временном интервале от момента возникновения какой-либо жизненной потребности до момента ее снятия или удовлетворения. В этом процессе на эмоциональном фоне единого качества происходит реализация активированных в сознании субъекта скриптов, нацеленных на достижение желаемого результата.

2.5. Ситуация и знак. Наличие в сознании субъекта единого эмоционального фона и преследуемой конечной цели обуславливают целостность психического образования, возникающего в процессе восприятия субъектом собственного взаимодействия с объектом. В теоретическом плане это означает, что в процессе коммуникации один индивид может ориентировать другого на аналогичный гештальт посредством не описания, а только одного знака или сигнала. Мы считаем, что это находится в полном согласии с определением, говорящим о том, что лингвистическим выражением ситуации в развитых языках является пропозиция, но не отдельное слово [Степанов 1989: 131], так как обоснованно предполагается, что язык ведет свое начало от эквивалентных пропозиции односложных команд-сигналов, развивающихся впоследствии в повелительное наклонение глагола (см. например [Якушин 1985: 121]).

Однако сказанное вовсе не означает, что с рассматриваемой категорией ситуаций должен был соотноситься только один знак. Напротив, как нам представляется, было жизненно необходимо существование довольно большого их количества, которое могло зависеть от весьма различных причин, например, от специфики значимых объектов или от различных вариаций сюжетов скриптов. Возможно также влияние системы табу в различных типах коммуникативных ситуаций. Вероятно, существовали и иные причины, вскрыть которые мы пока не в состоянии.

2.6. Прототипическая ситуация. К рассматриваемой категории ситуаций, определяемой по признаку наличия угрозы, можно отнести довольно много типов ситуаций. Поскольку угроза – величина переменная в количественном отношении, то среди них, бесспорно, существуют ситуации "опасные" в большей или меньшей степени. Как известно, процесс формирования категории осуществляется на базовом уровне восприятия: объект становится представителем категории в том случае, если в нем обнаруживается достаточное сходство с прототипом, являющимся наилучшим представителем категории [КСКТ: 42–45].

Очевидно, базовый уровень в формировании категории опасных ситуаций должны составлять такие ситуации, в которых присутствует прямая угроза существованию, требующая немедленного устранения, т.е. это должны быть ситуации относительно кратковременные, с непрерывающимся эмоциональным фоном и отчетливо выраженным объектом.

На статус прототипа, вероятно, должны претендовать такие ситуации, которые наиболее регулярны в повседневной жизни носителя языка и в которых

участвуют одни и те же типы объектов. Благодаря постоянству взаимодействий с ними выкристаллизовывается набор отличительных признаков, составляющих образец категории.

Согласно наблюдениям этологов, прототипические ситуации рассматриваемой категории возникают во внутривидовой конкуренции, – в столкновениях особей одного вида, ведущих борьбу за жизненное пространство. В этих столкновениях в ходе эволюции происходит ритуализация, т.е. характерные для ситуации (=значимые для существования) действия становятся символическими и приобретают знаковую функцию (см. выше п. 1). Таким образом, семантика тех знаков человеческого языка, которые возникли на базе ритуализованных действий, должна отражать прежде всего структуру прототипических ситуаций, и под источником угрозы следует подразумевать особей вида *Homo sapiens*.

2.6.1. Два вида прототипических ситуаций. В пределах внутривидовых отношений мы посчитали целесообразным выделить два постоянно взаимодействующих и пересекающихся прототипа. Первый и, можно сказать, "старший" в эволюционном аспекте прототип характеризуется тем, что субъект в нем предстает как отдельный, защищающий свое место в иерархии индивид. Этот прототип всегда актуален для внутривидовых отношений. Восходящие к нему ситуации будем называть ситуациями иерархического типа.

Второй прототип хотя и возникает на основе первого, но не во всех отношениях сводится к нему. Поэтому не будет слишком грубой ошибкой называть его тоже прототипом. В нем субъект предстает уже как обобщенный член согласованно действующей группы и одновременно как группа в целом. Восходящие к этому прототипу ситуации будем называть ситуациями военного типа.

Основное различие между взаимодействиями в этих типах ситуаций заключается в том, что в ситуациях "военного" типа есть особая, несводимая к иерархическому прототипу сцена (см. ниже 3.3.2), так как основана она на полном отрицании обязательного для него противостояния всем без исключения особям своего вида. Произведенное отрицание образует группу, и после этого происходит регенерация прежних отношений. Таким образом, можно говорить, что "военный" прототип порождает из себя субкатегорию с перемещением акцента на свою специфическую сцену. Во всем остальном различий на структурном уровне не наблюдается и поэтому мы даем одну схему для обоих прототипов, оговаривая отдельные детали уже по ходу описания.

3. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУ СКРИПТАМИ И НАЛИЧНЫМИ СИТУАЦИЯМИ

Мы постараемся дать краткое описание характерных для подобных ситуаций взаимодействий (отражающихся в действиях субъекта) с условным выделением значимых моментов, изменяющих характер деятельности субъекта. Скрипт в данном описании можно понимать в двух противоположно направленных аспектах: первый – реализация уже имеющейся в сознании субъекта репрезентации скрипта, второй – формирование его репрезентации в процессе взаимодействия с объектом.

Естественно, мы не можем дать описание конкретных событий, поэтому выделяемые сцены – это своего рода обобщенные имена более частных сцен. Их можно интерпретировать и как некие цели, осуществлением которых будет являться конкретная деятельность. Например, цель "подать сигнал тревоги" может осуществляться посредством голоса, выстрела, колокольного звона и т.п.

3.1. "Фобос" или скрипт "слабого". При определенных обстоятельствах отражение объекта в субъекте на эмоциональном уровне может принимать формы сильного аффекта, вызывающего такую стереотипную реакцию как бегство. Это своего рода "общепсихологическое предписание" – простейший скрипт на уровне безусловного рефлекса. В подобных ситуациях аффект прочно ассоциирован с бегством, что судя по всему должно находить отражение и в языковых фактах. Как типичный пример можно привести др.-греч. φοβέομαι "убегаю, боюсь", т.е. "в страхе (ужасе) спасаюсь бег-

ством". Даже если считать, что одно из значений фобэома вторично, то оно, безусловно, развивалось по указанному самой природой образу.

Однако такой "аварийный" способ разрешения ситуативного конфликта оправдывает себя в довольно редких и специфических условиях. Если же он станет доминирующим, то, с точки зрения эволюционного отбора или просто с точки зрения элементарной логики, неизбежно приведет к оттеснению вида или особи в самую "неуютную" экологическую нишу. Совершенно очевидно, что такое предписание на фоне прототипических ситуаций должно было представлять собой самый периферийный скрипт. Однако редуцированный вариант скрипта или его функциональная замена – подчинение воле сильного – необходимый элемент для образования иерархии, и еще на биологическом уровне вырабатываются особые ритуализованные жесты умиротворения [Лоренц 1994: 114–143].

3.2. Тревожность. Гораздо более сложную картину представляет собой типичное поведение в ситуациях, характеризующихся неопределенностью источника угрозы. Применительно к впечатлениям базового уровня это поведение можно описать следующим образом. Субъект всеми органами восприятия вынужден постоянно и с следовател ьно окружающее пространство с целью определить координаты источника угрозы. Из этого вытекает необходимость постоянно поворачивать голову или все тело. На каждый подозрительный шум субъект реагирует резкими поворотами. Все это можно отобразить в схеме некоего "судорожного" вращения, где действия наблюдения и поворотов взаимообусловлены и неотделимы друг от друга. На это накладывается предельная острота действий, вытекающая из естественного стремления быть незамеченным и готовым к встрече противника, а также – постоянно нагнетаемая мысленная актуализация необходимых скриптов, т.е. известных способов обороны или бегства.

3.3. От визуального контакта – к акциональному (через сигнальный). Ядро прототипа, разумеется, складывается не в описанных выше сценах. Их можно охарактеризовать как сопутствующие или как периферийные сцены. Для образования устойчивой репрезентации необходим аффективный след, получаемый в кульминации взаимодействия.

3.3.1. Сцена 1. Ситуация, как было условлено, начинается с момента фиксации субъектом определенного стечения обстоятельств, сигнализирующего ему о необходимости действовать. В 3.2 была в общих чертах описана реализация скрипта, предписывающего поведение в случаях недостаточной осведомленности субъекта об объекте. Из сходных элементов складывается также начальное поведение при возникновении уже явной угрозы и необходимости предпринимать конкретные меры, только здесь фокус внимания с поисков объекта перемещается на изучение особенностей окружающего пространства с целью наметить наиболее удобные пути выхода из ситуации или выбрать наиболее выгодное в стратегическом отношении место для встречи противника. В более "затяжном" варианте развития событий субъект также ведет внимательное наблюдение за поведением объекта. Таким образом, можно выделить первую сцену скрипта, являющуюся отражением поведения, которое можно охарактеризовать как "охранное наблюдение". Активизация элементов этого поведения – в внимания и осторожности – значима на протяжении всей ситуации.

3.3.2. Сцена 2. Следующий момент и, соответственно, узел скрипта – фиксация некоторого исходящего от объекта сигнала, говорящего о том, что источник угрозы или его поведение переходит через какие-то условные границы. В ситуациях "военного" типа здесь возникает сцена, которая при разных обстоятельствах может интерпретироваться либо как "подача сигнала тревоги", либо как "призыв на помощь". Вслед за сигналом происходит незамедлительный сбор всех членов группы, которая становится субъектом, функционально тождественным субъекту-индивиду ситуаций иерархического типа.

3.3.3. Сцена 3. Здесь одинаково (в структурном плане) действуют и субъект-группа и субъект-индивид. Они производят действия, способные предотвратить столкновение,

т.е. пытаются отвести угрозу встречной угрозой или демонстрацией готовности к активной защите (скрипт "сильного"), или же снимают угрозу посредством жеста, выражающего покорность (скрипт "слабого"). Это и есть так называемые ритуализованные действия.

3.3.4. Сцена 4. Если источник угрозы не отреагировал на предупреждение субъекта, то естественно возникает очередная – на этот раз кульминационная – сцена: взаимодействие переходит в прямой контакт. В общих чертах действия субъекта можно охарактеризовать как уклонение от ударов, отражение ударов и нанесение ответных ударов.

3.3.5. Сцена 5. Поскольку скрипты должны содержать информацию, способствующую выживанию, а отнюдь не вымиранию, то развязка должна быть более или менее благополучной для субъекта. Эту сцену можно охарактеризовать как достижение конечной цели: субъект восстанавливает нарушенные границы своего жизненного пространства, оттеснив или даже физически устранив противника.

3.3.6. Разные замечания. Разумеется, предложенное выделение сцен условно и основано на предельно обобщенных критериях. На наш взгляд, мы выделили наиболее типичные узлы, в которые как бы "ввязываются" более конкретные действия. Естественно, ситуация может прерваться в любой момент. Возможно также расположение сцен в ином порядке, хотя предлагаемый здесь нам представляется наиболее естественным и – согласно, законам гештальта, стремящегося к симметрии и завершенности, – именно этот порядок следует ожидать запечатленным в центральных скриптах.

4. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ УРОВНИ МОТИВАЦИИ

4.1. Семантика ситуативных сигналов. Действия, описанные в 3.3.2. и 3.3.3 – "подача сигнала тревоги" или "призыв на помощь" и "предупреждение противника о готовности к встречной агрессии" – как видно, имеют знаковую функцию. Вычленимые в естественном процессе взаимодействия, они по логике вещей должны относиться к скрипту описанной ситуации как означающее к означаемому.

Перый сигнал направлен к "своим" и несет вполне однозначную информацию о необходимости совместной защиты и отражения угрозы. Второй сигнал направлен в противоположную, "чужую" сторону. Его смысл интерпретируется также вполне однозначно для всего животного мира. Особь, охраняющая границы своего жизненного пространства, как бы заявляет "агрессору": "Внимание! Будь осторожен! Здесь мои границы, которые я буду защищать". Таким образом, субъект, издающий сигнал тревоги или предупреждающий сигнал, ориентирует адресата – как "своего", так и "чужого" – на ментальное образование, структуру которого мы попытались описать выше.

Сигнал встречной угрозы, направленный на противника, выполняет функцию отвода агрессии. Если в то же время он воспринимается "своими", то для них он служит призывом к совместному противодействию. В подобных случаях один сигнал совмещает функции предостерегающего сигнала и сигнала тревоги. С одной стороны он отвращает угрозу, с другой – сплачивает особей в единую, согласованно действующую группу. Собственно, это и есть главные функции ритуализованных действий (см. выше п. 2).

Таким образом, еще на биологической стадии развития человека можно постулировать наличие семантики с противоположной направленностью: "охранять границы, защищаться, отражать угрозу" и "собираться вместе, объединяться (для защиты и отражения)" > "войско, народ, множество". На этой же стадии начинает развиваться еще одно, уже надситуативное значение, которое можно приблизительно охарактеризовать как "праздновать совместное торжество (с исполнением ритуала)". От него, как мы думаем, ведет начало линия семантики увеличения и распространения "множества".

Итак, мы описали исходное состояние семантики, которое будем называть первым уровнем мотивации.

4.2. Знак знака. Осмысление ритуализованных действий. Как принято считать (см. например [Якушин 1985: 77]), выделение человека из животного мира сопровождалось и было обусловлено развитием способности к рефлексии, т.е. можно сказать, что у человека появилась новая область взаимодействия – это взаимодействие с собственными ментальными репрезентациями. Как отмечалось выше (см. 3.3.3), совокупность ритуализованных действий имеет два типа с различными значениями: "встречная угроза" и "смирение, признание покорности". В результате актов рефлексии взаимодействие этих двух типов ритуалов осмысливается как проявление **б е з у с л о в - н о г о з а к о н а**, обеспечивающего существование коллектива. Указывая на границы деятельности каждого отдельного индивида, они регулируют отношения и являются средством установления естественной иерархии. Таким образом, внося **п о р я - д о к** в жизнь сообщества, они обеспечивают его гармоничное существование, необходимое для успешного противостояния внешней среде.

В результате нового осмысления происходит качественный скачок в развитии степени знаковости: совокупность ритуализованных действий, являясь означающим центрального скрипта прототипической ситуации, становится в то же время **о з н а ч а е - м ы м н о в о г о з н а к а**, который, следуя естественной логике, должен был вычлениваться из самой совокупности ритуализованных действий. Означаемое этого знака – ритуал, договор, предписание, закон и т.п. – в данном исследовании будет рассматриваться как второй уровень мотивации.

4.3. Упорядочивание и связь в трудовых процессах. В результате развития способности человека к абстрагированию и генерализации становится возможным соотнесение знака с другими реалиями.

4.3.1. 1 этап. Ритуализованное упорядочивание и связь воплощаются в строительстве защитных укреплений, где единицы строительного материала располагаются в ряд и скрепляются, связываются между собой. Создание искусственной преграды рассматривается здесь как третий уровень мотивации.

4.3.2. 2 этап. Из связывания и плетения развивается ткаческое ремесло. Результатом ткаческого процесса является одежда, которая изначально выполняет функцию защиты от олицетворяемых атмосферных явлений. Схема действий здесь та же, что и в строительстве: объединение, упорядочивание и связывание. Соответственно – это четвертый уровень мотивации.

4.4. Космология. Итогом осмысления всех описанных выше реалий становится спекулятивная картина мира, самым наглядным прообразом которой является модель первобытного селения (=укрепленного военного лагеря). Эта модель закономерно наделяется вращением благодаря специфике деятельности субъекта в реальных ситуациях, где от него постоянно требуется качество, которое можно было бы определить как "изворотливость". На это наслаиваются и более сложные представления о природных циклах.

Космологические представления можно определить как пятый уровень мотивации.

4.5. Резюме. Предлагаемая последовательность выделения уровней, разумеется, условна. В исторической реальности лексические дериваты, ведущие начало от ритуализованных действий, вероятнее всего, отражали две развивавшиеся в тесном взаимодействии линии: ритуально-религиозную и, если можно так сказать, "ритуализованно-строительно-техническую", эволюционировавшую в ремесленную. Но, как нам думается, построение выделенных уровней в один ряд не противоречит последовательности появления представлений, обусловивших, на наш взгляд, расширение референтной сферы и, соответственно, стимулировавших деривацию от слов, возникших в контексте ритуализованных действий.

Следует учитывать, что в семантике рассматриваемой ниже лексики эти уровни предстают как взаимопронизанные, где каждый последующий как бы вбирает в себя

предыдущие. Поэтому однозначного соответствия какому-либо определенному уровню ожидать не следует, так как возможно соответствие только в большей или меньшей степени.

5. ИССЛЕДУЕМЫЙ ЯЗЫКОВОЙ МАТЕРИАЛ

В очерченных выше рамках, по нашему предположению, протекало развитие тех первичных знаков звукового языка, которые продолжали линию ритуализованных действий и исходная семантика которых опиралась на гештальт описанной выше прототипической ситуации.

Наиболее полно и многогранно, на наш взгляд, теоретически ожидаемые смысловые связи и отношения иллюстрируются индоевропейской лексикой, возводимой к форме **uer-*. Во многом показательна также и лексика, продолжающая другие индоевропейские архетипы, но она, по нашему мнению, в плане описания исследуемых реалий либо дает более тускло выраженную картину, либо отображает не все основные ее грани.

Мы считаем вполне вероятным, что большая часть слов, теоретически возводимых к форме **uer-*, является следствием деривации от одного из первичных знаков, зародившихся в ритуальном контексте. Однако также вполне возможны случаи формальной конвергенции с последующим семантическим сближением. В таких случаях, думается, позволительно считать, что рассматриваемая лексика возводится не к одной форме, а к одному типу естественных ситуаций, отображенному в сознании носителя языка в виде целостной структуры, которая способна оказывать влияние как на формальную, так и на содержательную сторону слова, поскольку – как показывают наблюдения исследователей – "семантическая близость определяет фонетические трансформации и формальное сближение, омонимическое сближение усиливается сближением значений до полного скрещения" [Варбот, Куркина 1980: 190].

По данным словаря Ю. Покорного [Рокоту 1959], форма **uer-* явно превосходит все прочие индоевропейские формы как количеством приписываемых ей значений, так и количеством возводимой к ней лексики. Кроме 13 отдельно пронумерованных статей, посвященных соответствующему количеству значений этой формы и ее ответвлений, еще довольно внушительная часть лексики помещается под рубриками рассматриваемых отдельно форм с различными расширениями первой: **uerg-*, **uerdh-*, **uers-*, **ureg-* и т.д. Естественно, здесь мы не сможем затронуть весь этот богатый материал, но постараемся осветить хотя бы его основные, на наш взгляд, семантические грани и особенности.

Оговоримся сразу: предлагаемое ниже исследование не является этимологической процедурой в строгом смысле. Мы ставим перед собой несколько другие задачи, которые носят скорее не этимологический, а общесемантический характер. Этимологическая процедура рассчитана на работу с отдельными словами, мы же намерены исследовать свойства массы слов, поэтому мы с самого начала стоим перед дилеммой: либо этимологический анализ по всем правилам – и тогда мы сможем осветить лишь фрагмент задуманного, либо пусть далеко и не полный, но относительно законченный показ целого. В соответствии со своими задачами мы выбираем второе, но это не говорит о том, что мы отказываемся от этимологического анализа. В некоторых случаях он необходим, но пока в целях предварительной примерки лексического материала к природной семантике ритуализованных действий и ожидаемого от нее развития нам представляется возможным вместить в рамки статьи только то, что предлагается ниже.

6. ИСХОДНЫЙ УРОВЕНЬ (ФОНОВАЯ СЕМАНТИКА)

Сначала постараемся увидеть уровень прототипической ситуации, который, естественно, едва проглядывает сквозь толщу последующих напластований.

Согласно логике языкового развития, исходное состояние следует искать в исходно глагольной лексике, в то время как производные от нее именные образования, осо-

бенно если они отражают результат действия или какую-либо специфическую характеристику действующего лица или объекта действия, более показательны в плане установления соответствий по хронологической шкале.

Самый общий семантический фон, как нам видится, отражен в этимоне **цер-* "запирать, покрывать; защищать, спасать, отражать" [Рокоту 1959: 1160]. Другой фон – несколько более конкретный – просматривается в этимоне **цер-* "смотреть, наблюдать, обращать внимание" [Там же: 1164]. Но гораздо более четкими для сопоставления с ситуативным фоном и, на наш взгляд, гораздо более верно отвечающими семантическим особенностям возводимой под рубрики указанных этимонов лексики представляются формулировки, данные Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Ивановым: "с м о т р е т ь, о б р а щ а т ь в н и м а н и е, б ы т ь о с т о р о ж н ы м" [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 808] и "з а щ и щ а т ь (с я), о б о р о н я т ь (с я), с п а с а т ь (с я)" [Там же: 741].

6.1. Охранное наблюдение и осторожность. В лексике, возводимой к **цер-* "смотреть, обращать внимание, быть осторожным", как нам представляется, отчетливо отражено поведение субъекта в сцене "охранного наблюдения" (см. выше 3.2 и 3.3.1), а также одно из двух основных предписаний, которое, на наш взгляд, правильнее всего было бы именовать как предписание для органов восприятия. Это предписание актуально на протяжении всей ситуации, и его обязательно содержит любой из серии скриптов, объединяемых прототипической ситуацией. Второе из основных предписаний, которое можно было бы назвать к и н е т и ч е с к и м, рассматривается отдельно.

В большей части слов, возводимых к **цер-* "смотреть, обращать внимание, быть осторожным" в слитном виде отражено осторожное поведение и работа органов зрения: др.-греч. (эол.) *ῥεῦσειν* "быть бдительным, остерегаться, быть настороже", др.-исл. *varr* "осторожный, предусмотрительный, робкий, пугливый", д.-в.-н. *wara* "внимательность, предупредительность, надзор, попечение", лтш. *vėriba* "внимательность, предусмотрительность" и т.д. Будет нелишним добавить, что субъект действия отражается не как какой-либо праздный наблюдатель, а именно как наблюдатель в ситуациях описываемой категории, т.е. как страж, охранник (ср. гом. *ὄυρος* "сторож, стражник", д.-в.-н. *wart* "сторож, надзиратель, охранник" и т.д.). Кроме того, описываемая семантика довольно свободно переходит в семантику защиты (например, гом. *φρουρός* "стражник" (<*про-*орос*>φρουρά "защита", ион. *ῥρη* не только "забота, беспокойство, тревожность", но и "охрана, защита"), в чем можно видеть как исходную синкретичность, так и обуславливающее метонимию совмещение функций стражника и защитника, которое в конечном счете основывается опять же на смежности сцен охраны и активной защиты.

6.2. Защита-отражение. Объединяемая Ю. Покорным в одном этимоне с семантикой защиты семантика типа "запирать, закрывать, открывать" явно вторична по отношению к семантике защиты. Об этом можно судить хотя бы по тому, что подобные значения реализуются в основном посредством аффиксов (ср. др.-инд. *api-vrñóti* "запирает, покрывает", *apa-vrñóti* "открывает", лат. *operiō* "закрываю", *aperiō* "открываю", лит. *ūžvērti* "замыкать", *atvērti* "отворять" и т.д.), а также по тому, что основная отражаемая в них материально выраженная реалья – это ворота, т.е. самое слабое в искусственном укреплении место, требующее, соответственно, самой бдительной охраны и усиленной защиты. Последнее отражается в оск. *veru* 'portam' и *vereias* gen. sg. 'Jungmännerbund' ("караул, стража у ворот") [Рокоту 1959: 1160]. Ср. возводимые к **цер-* "смотреть" гот. *daurawards* "привратник", др.-греч. *θυρωρός* "охраняющий дверь", *πυλωρός* "охраняющий ворота" [Там же: 1164]. Подобные трансформации исходной семантики мотивируются третьим по нашему исчислению хронологическим уровнем. Более близкие к исходному состоянию значения имеют гом. *ἔρισθαί* "отражать, защищаться, спасать, оберегать", гот. *warjan* "запрещать, пре-

пятствовать", др.-исл. *verja* "запрещать, предотвращать, защищать", др.-инд. *urusyāti* "освобождает, избавляет, спасает", авест. *vərəθra-* "противостояние, оборона, щит" и т.д. [Там же: 1161].

6.3. Сбор по тревоге. Совместная защита. Уже несколько более отчетливо на общем фоне проступает поведение субъекта-группы в сцене 3.2. Собирательная функция сигнала тревоги, возможно, отражена в семантике этимона **цer-* "связывать, присоединять, ставить в ряд, навешивать" [Рокоту 1959: 1150]⁶. Характерно, что большинство возводимых к данному гнезду именных образований, обозначающих результат действия присоединения, имеют значения типа "группа, войско": алб. *vargari* "ряд, военное подразделение", др.-ирл. *foirenn* "партия, отряд, толпа", англос. *weorn, wearn* "войско, отряд, множество" и т.д. Подобное значение обнаруживается и среди слов, возводимых к **цer-* "преграждать, защищать": др.-инд. *varū-ṭha* "защита, щит, войско, стадо, толпа".

В семантике "связывать, присоединять", дающей результат действия "войско, толпа, партия и т.п.", можно видеть исходный смысл объединяющей функции ритуализованных действий (см. выше п. 1).

6.4. Освобождение охраняемой территории. С пятой сценой (см. 3.3.5), рисующей благополучный исход ситуации (изгнание агрессора за пределы охраняемой территории), соотнесим этимон **црег-* "выталкивать, прогонять, враждебно преследовать"⁷ [Рокоту 1959: 1181]. Однако здесь, как и в 6.3, наблюдается отделение от фона, и в этом допустимо видеть следствие дифференциации первичного синтеза, о чем может свидетельствовать как появление расширения *-g-*, так и некоторые особенности семантики, встречающиеся у возводимых к **црег-* слов.

6.5. Исходно "расщепленный" синтез. В разграничении семантики "быть осторожным" и "защищаться, отражать нападение" можно видеть первый этап дифференциации исходного гештальта, хотя, на наш взгляд, это разграничение гораздо древнее человека: оно, по всей видимости, существует у всех высших животных, живущих в слаженно действующих сообществах, и в основе своей является ничем иным, как отражением употребления одного и того же знака в различных коммуникативных контекстах. Описание специфики активации тех или иных аспектов связанного со знаком гештальта в зависимости от типа коммуникативной ситуации мы намерены дать в другой раз. Пока же будем рассматривать только внутренние семантические связи.

С психологической точки зрения прототипическая ситуация естественно делится на два различных периода. Первый можно охарактеризовать как ожидание агрессии: субъект занят охранным наблюдением и приготовлением к обороне или отражению агрессора. На протяжении второго периода, начинающегося либо с подачи сигнала тревоги, либо с непосредственного столкновения и длящегося вплоть до завершения ситуации, происходит разрядка психической энергии, накопленной в первый период. Иначе говоря, усиленно активизируемые в период ожидания защитные скрипты реализуются в конкретных действиях. Таким образом, первый и второй периоды, рассматриваемые в данном аспекте, обнаруживают изоморфизм: воображаемым действиям первого периода соответствуют реальные действия второго. Поскольку первые обусловлены знанием того, как вести себя в подобных ситуациях, то можно сказать, что посредством ментальных репрезентаций первый и второй периоды относятся друг к другу как предшествующий и последующий опыт участия в ситуациях одного и того же разряда. В этом заключается их неразрывная ситуативная связь и полная взаимо-

⁶ В свете данных ларингальной теории для этого этимона принято обозначение **Нцer-* [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 719]. Мы не стремимся к установлению генетических связей (хотя наличие ларингальной в такой позиции вовсе не отрицает их возможности). Для нас не менее значимы ситуации, в которых происходит формальная конвергенция. Поэтому будем придерживаться традиционного написания.

⁷ Этот же смысл выражает лит. *varyti* "гнать", которое Ю. Покорный относит к **цer-* "запирать, покрывать; защищать, спасать, отражать" и пытается объяснить как "открывать ворота, чтобы выгнать скот из загона" [Рокоту 1959: 1160].

обусловленность. Таким образом, семантика "смотреть, обращать внимание, быть осторожным", рассматриваемая в контексте прототипической ситуации, имплицитно содержит семантику "защищать(ся), спасать(ся), оборонять(ся)" и "выталкивать, прогонять, враждебно преследовать".

Но, как можно заметить, между первым и вторым периодами есть как бы промежуточное звено – это ритуализованные действия третьей сцены (см. 3.3.3), которые представляют собой нечто вроде попытки "договориться" и уладить конфликт "мирным" путем. В этом "договоре" посредством ритуализованных сигналов и происходит обмен описанными в 4.1 смыслами, или – правильнее говоря – взаимоориентация договаривающихся сторон на аналогичные ментальные образования.

7. РИТУАЛ. ИСТОКИ ЗАКОНА

Как уже отмечалось, действия второй и третьей сцен, являясь сигнальными, несут сходную информацию (см. 3.1). Однако они существенно отличаются в плане фокусировки внимания. В сигнале тревоги внимание фокусируется в первую очередь на необходимости незамедлительного объединения усилий, т.е. в нем подчеркивается собирающая функция. Основной сигнал третьей сцены в первую очередь у к а з ы в а е т адресату на некоторые границы, через которые ему не следует переступать, и, соответственно, исходная его функция – указывающая или предупреждающая. Но если сигнал тревоги существует исключительно в наличной ситуации, то второй сигнал – ритуализованные действия – еще на биологическом уровне вычленяется из ее контекста, и в нем также, как и в сигнале тревоги, развивается собирающая, объединяющая функция, восходящая к совместному торжеству над побежденным (изгнанным с территории) противником (более подробно об этом см. ниже). Только реализуется эта функция уже в н е к о н т е к с т а наличной ситуации: исполнение ритуализованных действий становится автономной потребностью совместно проживающих особей и удерживает их группу от распада в случаях длительного отсутствия внешней угрозы. Здесь ритуализованные действия, исходно направленные на "отвращение" угрозы, приобретают смысл т о р ж е с т в е н н о г о о б я з а т е л ь с т в а, к л я т в ы в е р н о с т и каждого индивида всем остальным членам группы. Весьма характерно, что эта "первозданная" раздвоенность до сих пор сохраняется в семантике боевого клича. Русское "ура", направленное на противника, несет угрозу⁸. Однако этот же возглас выражает и торжество победителя, и торжественное приветствие войска военачальнику, причём последнее символизирует е д и н е н и е войска. Такая консервативность боевого клича не должна представляться удивительной, если учитывать, что он регулярно воспроизводится на базе аффективных состояний, которые не позволяют развиваться его семантике, консервируя ее на биологическом уровне⁹.

Таким образом, можно сказать, что знаки, вычленяющиеся в ходе естественного развития из ритуализованных действий, вбирают в себя их природную семантику и, кроме того, начинают означать также и сами ритуализованные действия, исходно осмысливаемые как "ритуал торжественной клятвы верности в совместной защите и поддержке друг друга". Исполнение этого ритуала становится з а к о н о м для всех членов группы.

Выше было условлено называть этот уровень развития семантики вторым уровнем мотивации значений индоевропейских слов, возводимых к форме **uer-*. Как нам думается, именно этот уровень отражает лексика, объединяемая Ю. Покорным под этимонами **uer-* "торжественно говорить" (>**uere-*, **urelo-to* "приказ, заповедь", **uer-dho-*

⁸ Отсюда не нужно делать вывод, что мы пытаемся возвести "ура" к **uer-*. Это слово приводится только в качестве семантической параллели. Здесь можно говорить пока не более чем о "ситуативном" родстве этих форм.

⁹ Сходное явление наблюдается также в случаях, когда "ругательные" выражения используются как знаки одобрения или восхищения чьим-либо поступком в восклицаниях типа "Во дает, сукин сын!" и т.п. также в некоторых других ситуациях, но это уже отдельная тема.

"слово") [Pokorny 1959: 1162] и **цег-* "проявлять приветливость, дружелюбие" (>**цего-с* "заслуживающий доверия, истинный") [Там же: 1165].

Если в фоновой семантике можно было бы видеть исходную полисемию, обусловливаемую различными коммуникативными контекстами, то здесь скорее следовало бы вести речь о первичной деривации, о выделении на рассмотренном выше фоне особой фигуры.

Деривацию допустимо видеть и в случае **црег-* "выталкивать, прогонять, враждебно преследовать" (см. выше 6.4), однако здесь она идет в несколько ином направлении, где в новом знаке фиксируется скорее не переосмысление, а определенный фрагмент общего фона. Вообще, как показывают наблюдения исследователей, словообразовательная и семантическая деривация не обязательно совпадают, но могут находиться и в противоположных отношениях. В таких случаях за новым знаком закрепляется не новое, а как раз исходное значение [Трубачев 1988: 205-206].

7.1. Амбивалентность. "Изоморфизм" боевого клича и закона-приказа. Исходным "продуктом" ритуализованных действий, исполняемых особями одного вида, является своего рода "пакт о ненарушении границ", выливающийся в мирное сожительство, в терпимость по отношению к соседу [Лоренц 1994: 169]. Эволюционируя по этой линии, человеческий ритуал объединяет отдельных индивидов и становится законом – основополагающим принципом, обеспечивающим их мирное сосуществование. При этом исходные отношения не отмирают, а проявляются вновь и вновь, когда происходит заключение новых договоров-пактов, в которых "обговариваются" границы – как пространственные, так и задающие определенные рамки деятельности – внутри которых локализуется мир, терпимость, доверие и согласие (см. ниже); нарушение этих границ ведет к негативным последствиям. Таким образом, устойчивый гештальт или архетип "границы", покоящийся на страхе ее переступания, обуславливает специфическую амбивалентность семантики слов, так или иначе связанных с представлениями о законе. Это та же амбивалентность, которая проявляется и в боевом кличе "ура", только как бы в вывернутом наизнанку виде.

7.1.1. Внутренний произвол. В боевом кличе человек реализует себя как силу, "карающую" противника, т.е. здесь он сам как бы закон. И поэтому ура-угроза после "наказания" тут же переходит в торжественное ура, – это торжество человека-закона, которому все дозволено по отношению к побежденному. Это закон, спроецированный внутрь. Можно сказать, что торжество всегда питается преодоленным страхом перед "чужим законом", и связано с разрыванием каких-либо ограничивающих личность пут. Это "прорыв" личности, в связи с которым страх, перейдя "границу", меняет свой отрицательный знак на положительный.

7.1.2. Внешний диктат. Исходящие от власти указы, наставления старших и т.п. всегда представляют собой предписание, спроецированное во вне. И здесь, так же как и в "ура", амбивалентность благополучно существует в наши дни, когда, например, мы с большой легкостью употребляем слова *учить* или *воспитывать* в значении "наказывать". Да и в употреблении самого слова *наказывать* мы опять же в разных контекстах реализуем противоположные значения. Конечно, более привычно употребление в "карательном" смысле: *наказывать кого-либо*. Но еще не совсем отжило и употребление в смысле *наказывать кому-либо что-либо*, т.е. "поручать". Здесь уже акцентируется не кара, а доверие, но опять же с оттенком предписания, где кара всегда существует имплицитно. Другого рода двойственность проявляется в слове *заказывать* "просить, приказывать" и "запрещать" (*Ему туда вход (путь) заказан*). В первом случае это "приказ делать что-либо", во втором – "приказ не делать чего-либо".

В историческом плане здесь показательно развитие значений у слов, однокоренных со словами *приказ, указ, заказ, сказать* и т.п. и возводимых к о.-с. **kaz-n-ъ*. В большей части славянских слов в историческом развитии закрепились значения, принадлежащие локусу "по ту сторону границы": рус. *казнь* "смертный приговор", с.-хорв. *kázna* "наказание, кара" и т.д. Но также немало слов зафиксировали в себе значения локуса

"по эту сторону границы, в границах": слова *kázen* "проповедь", в.-луж. *kaznja* "приказ, повеление, дисциплина, воспитание", чеш. *kázen* "дисциплина". П.Я. Черных объясняет эту двойственность контаминацией о.-с. **kaz-n-ь* и **kaj(a)-zn-ь* и возводит слова с "карательными" значениями ко второй форме [Черных 1994: 368-369]. Нам же это видится в ином свете: совпадение форм, вероятно, имело место. Но его могло обусловить только то, что у этих слов были сходные семантические структуры, и слова, продолжающие **kaz-n-ь*, поглотили параллельные слова от **kaj(a)-zn-ь*¹⁰, а это равносильно тому, что язык просто избавился от избыточных форм, вытесненных словами типа *покаяние, раскаяние*.

7.2. Локализация закона в психическом пространстве. Психологические корни понятия "закон", как нам представляется, уходят в "нулевое" пространство, у которого нет места в чувственно воспринимаемом пространстве. Происхождение такой локализации закона нам видится в следующем свете. Не всегда осознаваемый "страх переступания границ" по законам гештальта собирает все каким-либо образом ограничивающие деятельность человека линии в одну, очерчивающую к р у г, внутри которого находится все с положительным знаком (жизнь, свет и т.д.), вне его – с отрицательным (смерть, тьма и т.д.). Эта окружность и полярность типа "жизнь-смерть" обусловлены стремлением гештальта к симметричному построению своих частей, к их равновесию, максимальной простоте и отчетливой, завершенной оформленности [Психология 1990: 78]. Эти бессознательные процессы и вычерчивают именно круг, а не квадрат, суммировав и обобщив все мелкие и крупные повороты, оборачивания и т.п.

Очерчивающая круг линия своими корнями восходит к зоне взаимодействия субъекта и объекта прототипической ситуации (к "нейтральной полосе"), где равновесие плюса и минуса (т.е. "своего" и "чужого"), возникающее в результате договора, дает нуль – условную черту, знак. В этом "нулевом" психическом пространстве, на наш взгляд, и локализован закон.

Активируемые при приближении к какой-либо запретной грани (табу) аффективные следы – реминисценции негативных эмоций, связанных со всеми прошлыми наказаниями за какие-либо проступки – осознаются древним человеком как голос закона, т.е. приказ, который в связи с тем же стремлением гештальта к симметрии и максимальной простоте признает только утвердительный ответ. Если человек как солдат произносит "есть!", он оставляет за собой право существовать. Отрицательный ответ, соответственно, отрицает жизнь.

Поскольку эмоциональное состояние человека никогда не равняется нулю, то и семантика связанных с представлениями о законе слов неизбежно либо положительна, либо отрицательна и самопроизвольно перетекает одна в другую в зависимости от того, на чем сосредоточен в данный момент фокус внимания говорящего, что и отражается в рассмотренных выше словах. Однако по-настоящему положительная окраска смысла проявляется при прорыве "границ", освобождении (см. п. 8). В семантике же связанных с законом слов всегда так или иначе присутствует отрицательный знак.

7.3. Высшая власть. Диктат сверхъестественных сил. Как нам представляется, именно посредством "нулевой" локализации закона человек, вывернув наизнанку "этот" мир, создает из него "тот", из которого ему слышатся голоса предков, ибо первые Боги, в каком бы виде они ни выступали, на наш взгляд, это всегда предки – матери матерей и отцы отцов, воспитывающих и дающих предписания.

По этой причине лексика, связанная с ритуальной практикой, закономерно приобретает мистическую окраску и функционирует в сфере культа. Ритуал (=установленный порядок, закон) воспринимается носителем языка как абсолютный внешний диктат, исходящий от сверхъестественных сил. Древнеиндийский термин *vrata* в классический период обнаруживает значения "воля, приказ", "закон", "обряд, ритуал", "поручение", "господство", "обет; соблюдение обета", "образ жизни", "привычка" [Кочергина 1996:

¹⁰ Не исключено, что сходство семантики **kaz-n-ь* и **kaj(a)-zn-ь* уходит корнями в прандоевропейскую эпоху и, возможно, и.-е. **kʰeǵ-* и **kʰe(i)-* имеют один источник.

630]. Такое разнообразие значений, вероятнее всего, отражает ситуацию, в которой в ритуальной обстановке (например, при посвящении в полноправные члены общества) дается торжественное обещание, заключающееся в том, что клянущийся обещает вести образ жизни согласно установленному божественной волей закону. Соблюдение обета рассматривается древним индусом как соответствующий норме образ жизни. В композитах *vrata-pā* "охраняющий ритуал" и *vrata-lopa* "нарушение обета, клятвопреступление" клятва и ритуал не различаются. Поэтому закономерно, что любая клятва, даваемая перед лицом всевидящего Варуны или Митры (т.е. клятва над водой или огнем), имела характер закона.

Таким образом, можно прийти к выводу, что термин *vratā* синкретично обозначал комплекс ритуальных понятий, отражающих договор человека с божеством, где каждая сторона берет на себя определенные обязательства: человек – соблюдение закона, божество – воздаяние. «В соответствии с "условиями" этого договора человек приносит жертвы, а божества наделяют его долей жизненных сил, богатства, благополучия» [Байбурин, Фрадкин 1996: 274].

С др.-инд. *vratā* сопоставляют авест. *urvāta* "предопределение, предписание, заповедь", слав. *rota* "клятва", др.-прусск. *wertemmai* "клянемся"; др.-греч. ῥητός "договоренный, установленный", эол. ῥήτρα, эл. ῤάτρα "изречение"; "приговор; договор", кипр. εὐῤῥητάσату "договор, закон"; хет. *ḫerija-* "звать, поручать", гот. *wrōhjan* "обвинить, выносить приговор", слав. *rokъ* "предопределение, судьба" [Pokorny 1959: 1162–1163].

7.4. От клятвы к слову. Как можно заметить, человеческий ритуал сохраняет свои природные функции и является прежде всего средством общения, регулирующим отношения между общающимися сторонами. Центральный элемент ритуала – речевой акт, клятва – является также непререкаемым, как и его прообраз на биологическом уровне. Как вслед за предостерегающим звуком в случае его игнорирования следует немедленная агрессия, так и нарушение клятвы жестоко наказывается карающим божеством. Страх перед этой карой – а также семантику ритуализованных жестов подчинения или умиротворения – отражают лат. *vereor* "почитаю, боюсь, опасуюсь" и хет. *ḫerite-* "бояться, трепетать", *ḫeritema-* "страх" [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 808].

Произносимая и в том и в другом случае речь (слово) является и с т и н н о й речью (словом), согласно которой нужно действовать, будь то личная клятва или же приказ, – как получаемый, так и даваемый, – поскольку получаемый приказ необходимо выполнять, чтобы избежать наказания, а за выполнением отдаваемого приказа нужно следить и обязательно наказывать невыполнение, чтобы не потерять место в иерархии.

Речевой акт, утрачивающий связь с ритуальным контекстом, постепенно теряет сакральное значение и осмысливается (вероятно, в довольно поздние периоды) как просто слово, речь. Это др.-греч. ῥήμα "речь, слово, изречение", лат. *verbum*, гот. *waurd*, др.-прусск. *wirds* "слово", лит. *vaĩdas* "имя" и т.д. Хотя, нужно заметить, отголоски ритуального контекста еще долгое время сохраняются во многих словах, в частности, в античный период у др.-греч. ῥήμα, подразумевающего торжественную обстановку.

7.5. Позитивные последствия договора. Концепт "вера", как и концепты "слово", "воля", "любовь", строится по модели "круговорота общения" и "восходит к ситуации договора, соглашения" [Степанов 1994: 15].

Думается, именно такая ситуация отражена как в рассмотренных выше словах, так и в словах, сопоставимых с русск. *вера*. Слав. *věra* соответствуют др.-исл. *Vār* "богиня верной клятвы", *vārar* "обет верности", англос. *wār* "договор, верность, защита", с.-в.-н. *wāre* "договор, согласие, мир" [Pokorny 1959: 1165]. С этими словами также сопоставляют авест. *var-* "верить", *varəna-* "вера", осет. *игнуп* "верить" [Фасмер 1964–1973, I: 292]. Характерно, что у др.-рус. в *Ѣра* в XVII в. обнаруживается значение "присяга, клятва" [Черных 1994, I: 141]. Вероятнее всего, это значение существовало

и раньше, только не отражалось в письменных памятниках благодаря тому, что они в большинстве случаев создавали контексты, в которых у русск. *вѣра* реализовывалось более отвлеченное значение "религиозное мировоззрение". Можно отметить, что у др.-греч. πῖστις имеются те же значения: "вера, доверие", "договор, клятва" [Вейсман 1991: 1004], а лат. *fidēs* употреблялось также в значении "защита, покровительство" [Дворецкий 1976: 426].

Следствием заключения договора являются союз, согласие, мир и вытекающие отсюда доверие и приветливость в отношениях. Это отражается в др.-греч. гом. ἵρα φερεῖν "делать одолжение, оказывать любезность", ἐρί-ηρες "доверенный", ἐρίηρος "дорогой, милый", а также, возможно, и в германских словах, отражающих законы гостеприимства: гот. *wairudis* "чужой, гость"¹¹, др.-сакс. *werd*, д.-в.-н. *wirt* "хозяин, господин". На сопутствующую заключению договоров или встрече гостей церемониальную, торжественную атмосферу, вероятно, указывает др.-греч. ἐορτή (<Fe-Фортá) праздник, торжество" [Pokorny 1959: 1165–1166].

На почве ритуала развивается также значение "истинный" (первоначально "верный клятве, закону"), только здесь истина дана не в статическом аспекте, как в образованиях от **es-* (ср. др.-инд. *satyá-* "правда, истина", хет. *aśant-* "истинный, правильный"), а в динамическом, т.е. это существование не само по себе и не кем-то данное, а постоянно достигаемое и поддерживаемое самим субъектом-носителем истины благодаря выполнению предписываемых законом правил. Это значение развивается в лат. *vērus*, др.-ирл. *fir*, кимр. *qwir*, др.-сакс. *wār*, д.-в.-н. *wār*, н.-в.-н. *wahr* [Pokorny 1959: 1166].

7.6. "Отвращающий" ритуал. В гнезде **cer-* "торжественно говорить" Ю. Покорный наряду с рассмотренными выше словами, обозначающими "приказ, заповедь" и т.п., помещает также рус. *врагь*, ст.-слав. *врачь*, др.-греч. ἔρων "притворяющийся", εἰρωνεῖα "притворство, увертка, отговорка, насмешка". Эти слова зарождались также в ритуальном контексте, однако, учитывая, что *врач* изначально означало "заговариватель, заклинатель, колдун" [Черных 1994, I: 170], правильнее было бы считать, что восходят эти слова не к объединяющей функции ритуала, а к противоположной — к функции отвода агрессии. То есть здесь мы имеем дело с другим типом ритуальной практики. Если в рассмотренных выше случаях речевой акт связан с клятвой, обетом и является истинным словом, то здесь наблюдается противоположная картина: речевой акт — это заговор, заклинание и намеренный обман противника. "В народной культуре ритуальный обман (как вербальный, так и акциональный) часто служит магическим приемом для защиты от нечистой силы, болезней и других опасностей" [Толстая 1995: 109]. Можно считать, что "отвращающий" ритуал функционально продолжает линию боевого клича-угрозы.

С подобной ритуальной практикой можно было бы также связать некоторые слова, которые Ю. Покорный относит к **cer-* "вертеть, поворачивать, гнуть", например, англос. *wrenc* "изменение голоса, уловка, увертка, коварство, хитрость, вероломство", *wrenkan* "крутить, обвивать, обманывать", др.-инд. *vṛjiná* "кривой, искривленный, злокозненный, коварный" и т.п. [Pokorny 1959: 1154]. Однако эта семантика может быть мотивирована также отклонением от нормы, закона и связываться с понятием преступления (например, др.-исл. *vargr* "волк, изгой, преступник", англос. *wearg* "грабитель, преступник" и т.п.). Иной раз сюда вкрадываются и мотивации типа "негодный (= несоответствующий норме) строительный материал" (голл. *werken* "коробиться, сморщиваться (о дереве)", англос. *wrang* "искривленная древесина" и т.п.). Вероятно, все эти мотивы слабо отличимы от колдовства по той причине, что последнее поддерживается только в тесной группе, где каждый уверен, что оно будет обращено не на него, а на врага. С ростом сообщества и усложнением социальной

¹¹ Ср., однако, у У. Лемана [Lehmann 1986: W16], который, указывая на общую неясность этимологии, все же склонен возводить гот. *wairudis* к **cer-* "быть внимательным, осторожным".

организации такая уверенность быстро исчезает и колдовство часто объявляется вне закона (см. например [Леви-Строс 1985: 152; Токарев 1990: 88–90]). Всему этому на уровне прототипической ситуации соответствуют уворачивание от ударов противника и вообще изворотливость и хитрость как необходимые качества война (ср. гот. *warg* "осторожность, хитрость, коварство", возводимое Ю. Покорным к **wer-* "смотреть, наблюдать, обращать внимание" [Pokorny 1959: 1164]). Так что некоторые подобные мотивации можно вести прямо от исходного уровня.

Вообще, мы склонны считать, что в словах с подобной семантикой способны уживаться одновременно все перечисленные мотивации, поскольку и член группы, нарушивший закон, и негодная или испорченная вещь становятся тем, что надлежит отвергнуть, отбросить, от чего нужно очистить свое пространство, т.е. и преступник и испорченная вещь безоговорочно приравниваются к "врагу", и по этой причине все эти реалии вполне могли получать имена по признаку "отвергаемое", закономерно вычлениющемуся из имени соответствующего действия. Слова с подобной семантикой чаще всего возводятся исследователями к этимону **wer-* "вертеть, поворачивать, гнуть". В целом же, если судить по Ю. Покорному, внушительный пласт слов, возводимых под эту рубрику, весьма разнообразен как в формальном, так и в семантическом плане. Мы не имеем возможности рассмотреть здесь всю эту многочисленную лексику, так как это требует тщательного анализа. Скажем пока в двух словах, что, на наш взгляд, большая часть этой лексики по отношению к рассмотренной выше отражает несколько более продвинутый этап языкового развития, и в ней довольно отчетливо прослеживаются все выделенные нами в 4 хронологические уровни мотивации.

8. ТОРЖЕСТВО "УМНОЖАЮЩЕЙСЯ МАССЫ"

Вернемся к уровню прототипической ситуации. Выше уже отмечалось, что объединяющая функция ритуала восходит к совместному отражению угрозы. Известно, что те же ритуализованные действия, с которых начинается столкновение с противником, спонтанно воспроизводятся сразу после благополучного разрешения конфликтной ситуации. Здесь очевидным образом вступает в силу универсальная психологическая закономерность, которая состоит в том, что успешный ритуальный акт воспринимается его участниками как подлинная причина успеха и принимается ими как бы к дальнейшему "тиражированию". Ритуал становится автономной потребностью и функционирует уже без всяких внешних стимулов [Лоренц 1994: 174]. Можно предположить, что психологическая подоплека этой потребности заключается в том, что у каждого индивида или животной особи возникает сначала другая потребность – это потребность пережить те ощущения, которые были испытаны в момент снятия сильного напряжения при успешном выходе из наличной угрожающей ситуации. А поскольку правильно исполненный ритуальный акт неразрывно связан с этими ощущениями, то его исполнение автоматически влечет их за собой. Таким образом, можно полагать, что торжественная, праздничная атмосфера ритуала восходит в конечном счете к "торжеству победителя". Последнее же, что представляется вполне очевидным, берет свое начало в тот момент, когда снятие необходимости противостоять угрозе порождает ощущения внезапного освобождения, свободного пространства, роста возможностей и т.п., к чему, вероятно, восходят ощущения сопричастности с чем-то возвышенным и вечным, возникающие у участников ритуала.

Как нам думается, есть некоторые основания полагать, что слова, возводимые к **werdh-* "расти, увеличиваться" [Pokorny 1959: 1167] каким-то образом могут быть связаны с описанными аспектами ритуала. В пользу этого могла бы свидетельствовать семантика древнеиндийских слов: *vardh-* "расти; усиливаться; поднимать дух, вдохновлять", *vardhana* "помощь, успех; рост, усиление" [Кочергина 1996: 558], *vardh* "радостный, веселый; увеличивающийся, усиливающийся", *vardha* "покровитель; поощрение, помощь; поклонение", *vardhi* "рост, увеличение; счастье; успех" [Там же: 617]. С одной

стороны, семантика приведенных слов отражает как раз те эмоции, которые свойственны описанному выше состоянию, с другой – прослеживаются мотивы защитной ("покровитель", "помощь") и культовой ("поклонение") ориентации.

Среди возводимых к **цer-* слов немало таких, которые обозначают как структурированное, так и не структурированное сплоченное множество: алб. *vargari* "ряд, отряд, войско", др.-инд. *vrndam* "толпа, отряд, масса, множество, стадо", др.-ирл. *foirenn* "партия, группа, отряд, толпа", англос. *weorn* "толпа, отряд, множество, гряда, войско" [Pokorny 1959: 1151-1152], др.-инд. *várū-ṭha* "защита, щит, войско, толпа, стадо, стая" [Там же: 1161] и т.д. По наблюдениям исследователей, естественным свойством человеческой массы является стремление к росту, умножению [Канетти 1997: 34]. Что касается уровня первобытных групп, всегда немногочисленных по своему составу, то это стремление существует там в форме острейшей жизненной потребности [Там же: 105]. Поэтому первобытный коллектив в своих общениях с потусторонним миром испрашивает у богов в обмен на приносимые им жертвы прежде всего роста, приумножения, увеличения собственного количества, что является для него лучшим средством для выживания и процветания. Подобно тому, как торжество победителя сопровождается ощущениями освобождения, роста, увеличения жизненного пространства, так и всякое пополнение первобытного коллектива является торжеством, праздником. По словам Э. Канетти, праздник – это достигнутая цель, и исходное назначение праздника – приумножение жизни [Там же: 71–72]. Таким образом, и стремление к росту-приумножению, и стремление к празднику-торжеству суть явления одного порядка. Победитель восторженно кричит "ура!", которое он только что с яростью выплескивал в лицо врагу. То же самое "ура!" звучит и на праздниках.

На основании сказанного можно предположить, что дериваты от **уerdh-* первоначально соотносились в ритуальном контексте с "растущим, умножающимся коллективом (= войском, защитой)", т.е. с тем, что формулировалось в посылаемых богам молитвах, или, иными словами, с тем, чем видел себя коллектив в испрашиваемом (= творимом посредством ритуального акта) будущем. В пользу такого предположения говорит то, что большинство возводимых к этой форме слов связано с представлениями о плодородии, продуктивности: гот. *gawrisqan* "приносить плоды", слав. *rodь, roditi*, лтш. *radīt* "творить, порождать", лит. *rasmė* "рост, процветание, продуктивность" и т.д. [Pokorny 1959: 1167]. В др.-греч. ὀρθός "прямой, правильный, истинный", возможно, отражается соответствие ритуальной норме, обеспечивающее желаемое.

Возможно, с описанным кругом явлений соприкасается и **цer-* "широкий, далекий, просторный" [Pokorny 1959: 1165]. Др.-инд. *várivās* соотносится с представлениями о свободе, воле, мире, согласии, радости, удобстве, комфорте. Г. Грассман относит *várivās* и *váriman* к *vī* "покрывать, защищать, отражать" [Grassmann 1936: 1218–1219]. С другой стороны, поскольку "умножение массы" неизбежно приводит к экспансии, семантика "широкий, просторный" может являться и "гипертрофией" первоначального "огороженного пространства" (см. п. 9). Впрочем, такая "гипертрофия" могла развиться и в космологических представлениях.

9. ЗАЩИЩЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО. СТРОИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

Среди возводимой к **цer-* лексики имеется значительный пласт слов, в которых семантика защитного характера отражается в виде различных искусственных укреплений. Это др.-инд. *vrī-* "ограда, забор", алб. *vathē* "огороженное место, двор вокруг дома, плетень, закон", ср.-кипр. *gwerthyr* "крепость", англос. *weord* "двор, хозяйство", тох. В. *wārto, wart(t)o* "огород, сад, лес", слав. *vora* "забор, ограда, частокол" [Pokorny 1959: 1161-1162], др.-инд. *vrajá* "плетень, загон, окружение", др.-греч. атт. εἰρυμός "тюрьма, замок", н.-ирл. *fraigh* "плетеная стенка, крыша, плетень, загон" [Там

же: 1168], фрак.-фриг. βρία "крепость", тох. АВ ri "город" [Там же: 1152], словен. vržel "забор, живая изгородь" [Там же: 1155].

Подобные значения могут быть мотивированы как самыми общими представлениями о защите, так и строительным процессом, направленным на возведение защитных укреплений. Учитывая защитную и связующе-объединяющую функции ритуализованных действий, естественно предположить, что строительный процесс с самого начала являлся жестким предписанием и протекал в ритуально-магической обстановке, поскольку выполнял абсолютно те же функции, что и ритуализованные действия: упорядочивал, тесно связывал в единое целое отдельные строительные элементы, и это целое было предназначено для защиты.

Вполне вероятным нам представляется предположение, что обозначение самой жизненно важной деятельности человека, как и обозначение главного речевого акта – клятвы, должно было восходить к ритуалу, где "слово" и "дело" слиты и немислимы друг без друга. По указанным выше соображениям наряду с собственно ритуальными действиями самая жизненно значимая деятельность включала в себя также ритуализованный процесс сооружения защитных укреплений. Поэтому есть основания предполагать, что **uerg*'- "делать, действовать, работать", как и омонимичное **uerg*'- "запирать, окружать; плетень, закон" [Pokorny 1959: 1168] восходит к синкретичному кругу понятий, отражающемуся в описанных выше значениях формы **uer*-. В пользу этого могло бы говорить то, что в словах, возводимых к **uerg*'- "действовать, работать" кроме обозначений деятельности вообще встречаются указания на то, что она высшая (галл. *vergo-bretus* "верховная власть племени эдуев") и истинная (др.-брет. *guerg* "успешно действующий, верный, надежный", ср. также н.-в.-н. *wirklich* "действительный, настоящий, истинный" < *wirken* "действовать, творить; ткать"). На высший и к тому же конкретно ритуальный характер деятельности указывает также др.-греч. βρυα "(тайное) богослужение", βρυάξω "праздничные мистерии", ἔρδω (<**ĕrzdō* <**uerg'iō*) "действую, жертвую". Возможно, с жертвоприношением связано и алб. *rregj* "очищать". На связь данной деятельности с высшим порядком явно указывают гот. *frawaurhts* "грех", *uswaurhts* "справедливость, законность, правосудие" [Feist 1909: 311]. Таким образом, можно с достаточной уверенностью говорить о том, что **uerg*'- "запирать, окружать; плетень, загон" относится к **uerg*'- "работать, действовать" так же, как к нему относятся др.-греч βρυα "(тайное) богослужение", алб. *rregj* "очищать" и др., т.е. как более конкретное значение к более абстрактному.

Возможные отражения различных элементов строительного процесса, а также ткаческого ремесла и их тесную связь с рассмотренным выше комплексом представлений мы намерены рассмотреть в другой раз.

10. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье мы стремились показать, что в развитии рассмотренной лексики допустимо видеть определенную зависимость от господствовавшего в первобытные времена типы существования, динамика которого вырабатывалась в ситуациях взаимодействия с враждебным окружением. Естественно, мы осветили далеко не все аспекты и этапы ожидаемого семантического развития. Однако в семантике той лексики, которую мы сумели здесь охватить, довольно отчетливо, как нам кажется, вырисовываются следующие реалии.

Носителем ритуализованных действий (здесь – средств коммуникации) является тесно сплоченная, представляющая собой единое целое группа, которая живет по единому закону, где каждый связан клятвенным обязательством соблюдать верность группе и всему, что составляет ее мир. В группе существует жесткая иерархия и связанная с ней система правил, а также другие, основывающиеся на ней системы правил, регулирующие отношения с внешним и сверхъестественным мирами. Внешний, всегда расцениваемый как чужой мир всегда окружает группу. Здесь нет места

современной психологии фронта и тыла, спереди – враг, сзади – свои. Здесь есть только тесный круг, на который отовсюду давит враждебное окружение. Поэтому группа всегда стремится обнести свое жизненное пространство со всех сторон надежной защитой. В связи с тем, что бессознательные психические процессы выравнивают все охранно-наблюдательные и оборонительные движения, это жизненное пространство находится в непрерывном вращении (что отражается на уровне космологических представлений). Центробежные силы последнего отбрасывают – как и свойственно безучастному ко всему закону – как чужого, так и своего, нарушившего клятву-обязательство.

Все это составляет тесно связанный комплекс представлений. Лексика, маркирующая этот комплекс, непротиворечиво связывается между собой довольно простыми семантическими отношениями, которые можно называть универсальными семантическими законами. Например, между семантикой "группа, войско, масса, стаия и т.п." и семантикой "забор, плетень, город, двор, огороженное место и т.п." можно видеть типичную метонимию, как в рус. *город* "населенный пункт" и "население данного пункта". Но, опять же, и та и другая группы значений могут быть истолкованы как "то, что связано, объединено (с целью защиты)", т.е. как результат соответствующего действия, а семантика защиты и связи-объединения особей в группу, как не раз отмечалось выше, есть природный смысл ритуализованных действий, заложенный в них общебиологической динамикой существования.

Третий природный смысл ритуализованных действий – их назначение являться знаком – закономерно стремится в своем развитии к значению "знак". Однако следует заметить, в рассмотренной группе слов это развитие не уходит дальше значений "слово", "рисовать", "клеймить", "писать". Этому, на наш взгляд, имеются объективные причины. В целом же, есть некоторые основания полагать, что семантика "знак" – как это можно наблюдать на примере др.-греч. *σῆμα*, лат. *signum*, тюрк. **уран* ("пароль, боевой клич" > "фабричная марка, знак" [Севортян 1974: 602]) – развивается именно на базе лексики, связанной с рассматриваемым здесь комплексом представлений. Естественно, эти предварительные наблюдения требуют тщательной проверки с охватом гораздо более широкого материала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В.И. 1986 – Как можно улучшить этимологические словари // *Этимология* – 1984. М., 1986.
- Ахманова О.С. 1957 – Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
- Байбурин А.К., Фрадкин В.З. 1996 – Николай Федорович Сумицов и его работы в области обрядовой символики // Сумицов Н.Ф. Символика славянских обрядов. М., 1996.
- Бенвенист Э. 1974 – Семантические проблемы реконструкции // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- Варбот Ж.Ж., Куркина Л.В. 1980 – *Этимология* – 1978. М., 1980. Рец.: *Etymologie* // Hrg. von R. Schmitt.
- Вейсман А.Д. 1991 – Греческо-русский словарь. М., 1991.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. 1984 – Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ протоязыка и протокультуры. Кн. 1–2. Тбилиси, 1984.
- Гроф С. 1993 – За пределами мозга. Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М., 1993.
- Дворецкий И.Х. 1976 – Латинско-русский словарь. М., 1976.
- Демьянков В.З. 1994 – Теория прототипов в семантике и прагматике языка // *Структуры представления знаний в языке*. М., 1994.
- Канетти Э. 1997 – Масса и власть. М., 1997.
- Кочергина В.А. 1996 – Санскритско-русский словарь. М., 1996.
- КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Отв. ред. Е.С. Кубрякова. М., 1996.
- Лакофф Дж. 1996 – Когнитивное моделирование // *Язык и интеллект*. М., 1996.
- Леви-Строс К. 1985 – Структурная антропология. М., 1985.
- Лоренц К. 1994 – Агрессия (так называемое "зло"). М., 1994.
- Маковский М.М. 1996а – Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М., 1996.
- Маковский М.М. 1996б – Язык – миф – культура. Символы жизни и жизнь символов. М., 1996.
- Матурана У. 1996 – Биология познания // *Язык и интеллект*. М., 1996.

- Откупщиков Ю. В. 1967 – Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967.
- Психология 1990 – Психология: Словарь. М., 1990.
- Севортян Э. В. 1974 – Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.
- Степанов Ю. С. 1971 – Семиотика. М., 1971.
- Степанов Ю. С. 1989 – Индоевропейское предложение. М., 1989.
- Степанов Ю. С. 1994 – Слово // *Philologica*. 1994. V 1. N 1/2.
- Степанов Ю. С. 1995 – "Слова", "понятия", "вещи". К новому синтезу в науке о культуре // Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
- Степанов Ю. С., Прокурин С. Г. 1992 – Концепт "действие" в контексте мировой культуры // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992.
- Токарев С. А. 1990 – Ранние формы религии. М., 1990.
- Толстая С. М. 1995 – Магия обмана и чуда в народной культуре // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995.
- Топоров В. Н. 1981 – Ведийское *ṛiá-* к соотношению смысловой структуры и этимологии // *Этимология* 1979. М., 1981.
- Топоров В. Н. 1988 – О ритуале. Введение в проблематику // Архаичный ритуал в фольклорных и ранне-литературных памятниках. М., 1988.
- Трубачев О. Н. 1966 – Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.
- Трубачев О. Н. 1988 – Приемы семантической реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., 1988.
- Фасмер М. 1964–1973 – Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.
- Черных П. Я. 1994 – Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. М., 1994.
- Якушкин Б. В. 1985 – Гипотезы о происхождении языка. М., 1985.
- Feist S. 1909 – *Etymologisches Wörterbuch der gotischen Sprache*. Halle, 1909.
- Grassmann H. 1936 - *Wörterbuch zum Rig-Veda*. Leipzig, 1936.
- Lehmann W. 1986 – *A Gothic etymological dictionary*. Leiden, 1986.
- Pokorny J. 1959 – *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. 1–2. Bern; München, 1959–1965.